
ЭТЮДЫ
ОБ УЧЁНЫХ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕКЕМ ЗАМЕНИТЬ
*К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
С.Р. МИКУЛИНСКОГО*

© 2019 г. С.С. Илизаров

Институт истории естествознания и техники РАН, Москва, Россия

E-mail: sinsja@mail.ru

Поступила в редакцию 27.05.2019 г.
Поступила после доработки 27.05.2019 г.
Принята к публикации 26.06.2019 г.

Выдающийся учёный и организатор науки, член-корреспондент АН СССР С.Р. Микулинский (1919–1991), в 60–80-е годы XX столетия определявший генеральную линию развития истории науки и заложивший основы науковедения, прошёл жизненный путь, полный трагических изломов. В его биографии были годы учения, участие в Великой Отечественной войне, годы плена в немецко-фашистских, а затем заключения в советских концлагерях, стремительная научная карьера, неожиданно прерванная изгнанием из выпестованного им Института истории естествознания и техники АН СССР. Под его руководством в ИИЕТ АН СССР были собраны выдающиеся учёные самых разных специальностей, а институт достиг наивысшего уровня развития, став признанным в мире центром историко-научной мысли.

Ключевые слова: С.Р. Микулинский, Академия наук, история науки, науковедение, историография, Институт истории естествознания и техники АН СССР.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-58738911153-1161>

Семён Романович Микулинский (1919–1991)

2 апреля 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося учёного и организатора науки, члена-корреспондента АН СССР Семёна Романовича Микулинского (2.04.1919, Кременчуг — 3.07.1991, Москва). С деятельностью С.Р. Микулинского связаны наивысшие достижения отечественной истории науки, становление и развитие науковедения и период расцвета Института истории естествознания и техники АН СССР (ныне — им. С.И. Вавилова РАН), который пришёлся на годы его руководства (1972–1986).

Путь С.Р. Микулинского в историю науки оказался весьма тернист. Семён Романович родился на Полтавщине, в семье служащего (отец до революции — счетовод, затем помощник бухгалтера, умер в 1936 г.). После окончания московской средней школы № 146 Микулинский в 1938 г. поступил на философское отделение знаменитого в истории советского высшего образования Московского института философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ). Этот выбор,

ИЛИЗАРОВ Симон Семёнович — доктор исторических наук, заведующий отделом ИИЕТ РАН.

В. Кухарчук, А. Попов, С. Микулинский.
Москва. Школа № 146. Март 1936 г.

несомненно, сыграл определяющую роль в его жизни и судьбе. О МИФЛИ отзывались поразному. Его называли и "Лицей в Сокольниках", "Островок свободомыслия среди моря догматизма", и одновременно "Сталинский лицей", "Красный лицей", "Сорбонна Московская" и т. п. [1]. В этом учебном заведении преподавали лучшие учёные-гуманитарии того времени: М.В. Алпатов, А.В. Арциховский, В.Ф. Асмус, С.В. Бахрушин, Б.Э. Быховский, Н.Н. Ванаг, Р.Ю. Виппер, В.П. Волгин, Б.Д. Греков, Ю.В. Готье, Н.К. Гудзий, Н.М. Дружинин, Э.Я. Кольман, Л.З. Копелев, Е.А. Косминский, Н.А. Кун, Н.М. Лукин, А.И. Неусыхин, В.Ф. Переверзев, М.М. Покровский, С.И. Радциг, С.Д. Сказкин, С.И. Соболевский, Я.Э. Стэн, А.Д. Удальцов и другие выдающиеся историки, филологи, искусствоведы, философы.

За недолгое время своего существования (1931–1941) МИФЛИ дал советской науке и культуре сотни замечательных учёных, писателей, поэтов, философов, дипломатов, общественных и государственных деятелей, которые в значительной мере определяли общественную и интеллектуальную жизнь страны во второй половине XX в. Среди них И.А. Антонова, Н.И. Балашов, Д.П. Горский, С.П. Гудзенко, А.В. Гулыга, Л.М. Зак, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, З.А. Каменский, А.В. Караганов, В.Ж. Келле, Г.С. Кнабе, М.Я. Ковальзон, П.Д. Коган, П.В. Копнин, Н.П. Красавченко, И.А. Крывелев, Ю.Д. Левицкий, Е.М. Мелетинский, С.С. Наровчатов, И.С. Нарский, Л.А. Озеров, Т.И. Ойзерман, З.С. Паперный, Ю.А. Поляков, Г.С. Померанц, Б.Ф. Поршнев, Д.С. Самойлов, К.М. Симонов, А.И. Солженицын, А.Т. Твардовский, О.Г. Чайковская и многие, многие другие.

Одним из самых известных и одиозных выпускников МИФЛИ был А.Н. Шелепин (1918–1994), сумевший достигнуть партийно-государственных вершин: первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1952–1958), член ЦК КПСС (1952–1976), член Президиума ЦК КПСС (1964–1975), председатель КГБ СССР (1958–1961). На посту секретаря комсомольской организации МИФЛИ "железного Шурика", как прозвали А.Н. Шелепина ифлийцы, сменил в 1939 г. именно С.Р. Микулинский.

С.Р. Микулинский пришёл в МИФЛИ, когда завершался относительно благополучный период истории института. С конца 1939 г. в нём работала комиссия ЦК ВКП(б) по проверке качества постановки партийно-массовой работы в учебном заведении. Комиссия обнаружила крупные недостатки в деятельности партбюро и администрации. Общая ситуация в институте резко ухудшалась, и можно только гадать, как бы сложилась дальнейшая жизнь и карьера С.Р. Микулинского, если бы не начавшаяся вскоре война.

В июне 1941 г. Сокольнический районный комитет ВКП(б) назначил С.Р. Микулинского начальником группы на строительстве укрепрайона по линии Днепра между Смоленском и Вязьмой [2, л. 11]. После выполнения задания с "согласия секретарей МК ВЛКСМ" (возможно, это был Н.П. Красавченко) он добровольно вступил под Вязьмой в действующую армию непосредственно в районе боёв. В течение восьми месяцев, с июля по ноябрь 1941 г., рядовой С.Р. Микулинский — разведчик артиллерийского полка 8-й стрелковой дивизии Московского ополчения — принимал участие в боевых действиях в районе Вязьмы и Ельни. Так он стал участником Вяземской катастрофы 1941 г. — одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной войны. В октябре 1941 г. в окружение под Вязьмой попали 4 армейских управления, 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк Резерва Главного Командования. Потери Красной армии убитыми и ранеными превысили 380 тыс. человек; в плен попало свыше 600 тыс. Всего безвозвратные потери составили более 1 млн человек. В числе пленных оказались командующие трёх армий, в том числе генерал-майор С.В. Вишневецкий (1893–1967) — командарм 32-й армии, в состав которой входила 8-я стрелковая дивизия [3].

По официальным данным, полевое управление 32-й армии упразднили 12 октября 1941 г. Как регулярное воинское формирование 8-я стрелковая дивизия фактически была уничтожена 6–7 октября; 30 ноября 1941 г. расформирована. Зачистка Вяземского котла германскими войсками завершилась в течение октября. В самом конце октября или в начале ноября С.Р. Микулинский с другими бойцами, пробиваясь с боями из окружения, дви-

гаясь от Вязьмы на юг, попал в плен в районе г. Юхнова. В автобиографии, составленной в 1955 г., Семён Романович сообщал, что с ноября 1941 г. содержался в лагерях для военнопленных в Смоленской области. В каком именно лагере он находился, неизвестно, но во всех условия содержания советских военнопленных были невыносимые: их зачастую не кормили, не давали воды, свирепствовали инфекционные заболевания. Невозможно вообразить кромешный ужас трёх с половиной лет, проведённых С.Р. Микулинским в фашистских концлагерях, когда каждый день мог стать последним в жизни. В предельно лапидарных автобиографиях он писал лишь о том, что после неоднократных попыток побега из лагеря был отправлен в 1943 г. вместе с другими штрафниками на шахты в Судеты [4, л. 12, 13]. Там он пробыл до освобождения советскими войсками 8 мая 1945 г. После этого служба в Советской армии: в мае—июне 1945 г. в Праге; в июне—августе 1945 г. в Будапеште. С сентября 1945 г. до января 1947 г. он проходил специальную проверку в проверочно-фильтрационной комиссии МВД. Этот период жизни С.Р. Микулинского совершенно неизвестен. По устным свидетельствам, преодолеть заключение в советских лагерях и вернуться в Москву ему помогали старые комсомольские товарищи — А.Н. Шелепин, Н.П. Красавченко и другие.

Пленение, лагеря и, вследствие этого, автоматическое выбытие из рядов членов партии навсегда закрывали для С.Р. Микулинского политическую карьеру, столь успешно начатую в предвоенные годы. Но присущие ему невероятную жизненную стойкость, темперамент, целеустремлённость и энергию он сумел сконцентрировать на единственно, наверное, правильном направлении — образовании и научной карьере. Новый взлёт оказался стремительным. Трудно сказать, насколько большую утрату понесло советское партийно-административное "сословие", но отечественная наука явно оказалась в выигрыше.

По возвращении в Москву С.Р. Микулинский был восстановлен студентом философского факультета МГУ (в 1941 г. МИФЛИ вошёл в МГУ), который в 1949 г. закончил с отличием, одновременно пройдя экстерном три курса на биолого-почвенном факультете университета. Будучи студентом, он выполнил под руководством академика АН Грузинской ССР Л.Ш. Давиташвили серьёзное исследование о выдающемся русском естествоиспытателе XIX в. К.М. Рулье, которое приказом министра высшего образования СССР было отмечено первой премией на конкурсе научных работ студентов МГУ.

С сентября 1949 г. до 7 января 1952 г. С.Р. Микулинский работал старшим лаборантом кафедры дарвинизма биолого-почвенного факультета МГУ.

С.Р. Микулинский. Прага, 1945 г.

В это время он определился с выбором исследовательской области, остановившись на истории отечественной биологии XIX в., что позволило, насколько это было возможно, уклоняться от господствовавшего тогда повсюду лысенкоизма (уместно напомнить, что кафедру дарвинизма как раз в те годы возглавлял академик ВАСХНИЛ, ближайший последователь Т.Д. Лысенко И.И. Презент). За время пребывания на кафедре Семён Романович подготовил 11 работ по истории биологии в России. В 1951 г. он опубликовал монографию "И.Е. Дядьковский. Мировоззрение и общебиологические взгляды", которая 3 июля 1952 г. была защищена в МГУ в качестве диссертации на соискание учёной степени кандидата биологических наук. Работа С.Р. Микулинского обогатила сложившиеся к тому времени представления о развитии биологии в России в начале XIX в. Это была первая монография о забытом выдающемся русском естествоиспытателе начала XIX в., профессоре Московского университета И.Е. Дядьковском, написанная на основе самостоятельных изысканий большого числа архивных и рукописных материалов. Начало 1950-х годов — пик интереса к наследию И.Е. Дядьковского, чему способствовала общая ситуация в изучении истории науки — сужение тематического пространства, когда исследователи могли заниматься исключительно отечественной историей, а также то, что историки медицины рассматривали И.Е. Дядьковского в качестве первого

русского сторонника "нервизма" — учения о ведущей роли нервной системы в патогенезе заболеваний, и хотели поднять его на щит как предтечу И.П. Павлова.

Уже ранние работы нашего героя были замечены специалистами. Например, такой авторитетный биолог и историк науки, как К.М. Завадский, в 1949 г. отмечал на страницах "Вестника ЛГУ", что исследования С.Р. Микулинского диктуют необходимость изменить соответствующий раздел курса дарвинизма. Л.Ш. Давиташвили, сыгравший немалую роль в становлении С.Р. Микулинского как историка науки, характеризовал его труды о И.Е. Дядьковском, К.М. Рулье, М.А. Максимовиче как существенный вклад в историю биологии. Л.Ш. Давиташвили одним из первых обратил внимание на характерные для молодого учёного глубокое понимание теоретических основ биологии, серьёзное знание общей истории, новизну взглядов и подходов [4, л. 35–37]. Имелись и другие свидетельства. Например, о работах С.Р. Микулинского весьма положительно отзывался ихтиолог, профессор МГУ, член-корреспондент АН СССР Г.В. Никольский.

Публикация книги и получение учёной степени открывали Семёну Романовичу дорогу в академическую науку — в Институт истории естество-

знания АН СССР. История науки, прежде всего естествознания, переживала в то время довольно странный период. После трагедии 1938 г. — гибели академика Н.И. Бухарина, несмотря на все старания академиков В.Л. Комарова, В.И. Вернадского, Г.М. Кржижановского, А.М. Деборина и других, был закрыт Институт истории науки и техники АН СССР. Невероятными усилиями В.Л. Комарова с личной санкции И.В. Сталина, полученной во время встречи 12 ноября 1944 г., удалось создать небольшой по числу научных сотрудников Институт истории естествознания в составе Отделения истории и философии АН СССР. После смерти его первого директора В.Л. Комарова институт возглавил физиолог, член-корреспондент АН СССР Х.С. Коштойац. В конце 1940-х годов эта область научных знаний была как никогда востребована властью для обоснования проводившейся тогда кампании за приоритеты. В результате труд историков естествознания отмечался высшими государственными наградами — Сталинскими премиями. В то же время те, кто занимался историей научных знаний, испытывали мощнейшее идеологическое давление в виде запрета на исследования по не отечественной тематике, а также на какие-либо теоретические изыскания. На историка, особенно истори-

Сотрудники ИИЕ АН СССР (Москва, ул. Фрунзе, д. 11). Н.А. Фигуровский, Т.Ф. Бедретдинова, Т.В. Качаунова (?), И.В. Батюшкова (?), Ю.И. Соловьёв, В.А. Есаков, О.В. Красноухова, О.А. Лежнева, Х.С. Коштойац, О.А. Соколова, С.Л. Соболев, Ю.С. Мусабеков, В.И. Макарова, Л.В. Каминер, С.Р. Микулинский, О.А. Старосельская-Никитина, Б.Г. Кузнецов, В.П. Зубов. 1953 г.

ка техники, возлагалась, по сути, антинаучная обязанность доказывать, что все великие открытия и изобретения совершались исключительно в нашей стране. Таким образом, история науки оказывалась, с одной стороны, модной и востребованной, а с другой — довольно опасной сферой профессиональной деятельности.

5 января 1952 г. С.Р. Микулинский был зачислен младшим научным сотрудником Института истории естествознания АН СССР, в котором быстро и прочно заявил о себе как о профессионально подготовленном и перспективном историке науки. Вскоре произошли важные организационные изменения, определившие на все последующие десятилетия институционно-дисциплинарное развитие истории науки. В результате интриги В.А. Голубцовой (жены главы Правительства СССР Г.М. Маленкова), стремившейся к лидерству в истории техники, произошло насильственное присоединение к Институту истории естествознания Комиссии по истории техники Отделения технических наук АН СССР. Так возник Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ), утверждённый соответствующим постановлением Президиума АН СССР 5 сентября 1953 г. Первым директором обновлённого института стал далёкий от истории научно-технических знаний специалист в области электрометаллургии и теории металлургических процессов член-корреспондент АН СССР А.М. Самарин, с 1950 г. возглавлявший Комиссию по истории техники. В течение нескольких лет после объединения истории техники занимали ведущие позиции в новом учреждении, хотя в научно-интеллектуальном плане значительно уступали историкам естествознания.

В ИИЕТ сразу же начали образовываться структурные подразделения, и С.Р. Микулинский был включён в сектор биологических и сельскохозяйственных наук во главе с лауреатом Сталинской премии доктором биологических наук, профессором С.Л. Соболев, который принадлежал к историкам науки старшего поколения. Его опыт и профессионализм высоко оценивали современники, в том числе В.И. Вернадский, В.Л. Комаров, О.Ю. Шмидт, С.И. Вавилов, Х.С. Коштоянц, С.А. Зернов, И.И. Шмальгаузен. Весьма примечательно, что он, поначалу с неудовольствием встретивший появление в ИИЕТе С.Р. Микулинского, быстро признал его исследовательский талант, целеустремлённость и научную результативность.

В тот период в силу специфики своего развития историко-научные, в том числе историко-биологические исследования имели преимущественно эмпирическую направленность. Это были поиск и публикация архивных материалов, прояснение

подробностей биографии учёных прошлого, фиксация фактов, могущих иметь значение для истории науки. С.Р. Микулинский превосходно выполнял и такие работы, но при этом показал себя способным определять закономерности развития науки. Он успешно сочетал в себе качества серьёзного биолога-теоретика, чрезвычайно глубоко и тонко разбиравшегося в труднейших вопросах биологии, и историка биологии с основательной биологической, философской и исторической подготовкой. Его профессиональные умения и компетенции как нельзя лучше соответствовали такой специфической профессии, как историк науки. Прежде всего этими обстоятельствами объясняется, почему в условиях реформирования и метаморфоз 1953 г. историки естествознания стали продвигать именно С.Р. Микулинского на руководящие должности в ИИЕТе.

Научный и научно-организационный потенциал С.Р. Микулинского, прошедшего тяжёлую жизненную школу, начал реализовываться во второй половине 1950-х годов. В 1957 г. ему наконец удалось добиться решения о восстановлении в рядах членов КПСС, да ещё с зачётом партстажа с 1939 г. 4 января 1963 г. С.Р. Микулинский стал заместителем директора ИИЕТа АН СССР по научной работе. В том же году в МГУ состоялась успешная защита докторской диссертации по монографии — фундаментальному труду "Развитие общих проблем биологии в России. Первая половина XIX в.", изданному в 1961 г. В 1963 г. С.Р. Микулинский был также избран членом-корреспондентом Международной академии истории науки, хотя выезжать в зарубежные командировки он начал только с 1967 г.

Все эти события личного карьерного успеха происходили в условиях расцвета ИИЕТа. Приход в 1958 г. в институт крупного философа и историка науки Б.М. Кедрова, затем его избрание в 1960 г. членом-корреспондентом АН СССР и назначение в 1962 г. на должность директора ознаменовали новый этап в истории института. Постановлением Президиума АН СССР от 12 октября 1962 г. "О направлении научных исследований и структуре Института истории естествознания и техники" [5, с. 184, 185] были упразднены секторы истории отдельных отраслей техники и постепенно образовались принципиально новые подразделения по изучению общих проблем развития науки и техники, научного творчества, социологических проблем, системного анализа науки, истории и теории организации научной деятельности, истории научно-технической революции и др. Перестройка в ИИЕТе отражала глубинные процессы развития в СССР общественной мысли и её, хотя бы частичного, освобождения от лжи и догматизма.

Институт истории естествознания и техники АН СССР, 1964 г.

Слева направо: С.Р. Микулинский, Н.И. Родный, Н.А. Фигуровский, Э.И. Березкина, А.С. Фёдоров, Б.М. Кедров, Р. Татон, Л.В. Каминер, О.А. Лежнева, О.А. Старосельская-Никитина.

То, что ещё не могло быть реализовано в те годы в философии или в научно-историческом знании, в слегка закамуфлированном виде и как бы совершенно неожиданно прорвалось в истории науки и в нарождавшемся отечественном науковедении.

Новые времена выдвигают на арену новых людей, и неизвестно, удалось бы реформировать ИИЕТ и превратить его на два десятилетия в один из ведущих центров гуманитарной научной и философской мысли, если бы не образовался тандем Кедрова—Микулинского. О крепости десятилетнего союза Б.М. Кедрова и С.Р. Микулинского свидетельствует факт их одновременного выдвижения в 1966 г. в члены АН СССР. Кедров в том году был избран академиком по Отделению философии и права, Микулинский звания члена-корреспондента не получил. Сохранились документы, свидетельствующие о весьма серьёзной подготовительной работе. Кроме решения о выдвижении С.Р. Микулинского, единогласно принятого учёным советом ИИЕТА 5 мая 1966 г., его рекомендовали также академики А.Н. Белозерский, Б.Е. Быховский, М.В. Нечкина и другие [4, л. 52—62]. Через два года, в 1968 г., проходили новые выборы, ставшие для Микулинского и, соответственно, для ИИЕТА и его директора академика Кедрова, триумфальными.

Сохранился весьма пространный (на 5 страницах) отзыв Б.М. Кедрова о научной деятельности С.Р. Микулинского. Рекомендую своего заместителя к избранию в Академию наук СССР в качестве члена-корреспондента по специальности "философия", он писал, что С.Р. Микулинский как исследователь органически сочетает в своей творческой работе теорию науки с её практикой, философию с естествознанием, внося серьёзный вклад в укрепление этих связей. Б.М. Кедров был по своей натуре человек доброжелательный, но весьма строгий и критичный в оценках, и потому несомненный интерес представляет то, как он характеризовал своего коллегу и подчинённого. Бонифатий Михайлович, в частности, писал, что труды Микулинского предлагают глубокий содержательный анализ путей формирования биологических знаний в России в общем контексте развития мировой биологии. Обширный цикл важнейших философских проблем биологии, таких, например, как специфика различных уровней взаимодействия организма и среды, роль нервно-психических функций в адаптации, соотношение физико-химических и биологических закономерностей и др., получил в трудах Микулинского новаторскую и привлекательную для каждого биолога, занимающегося общими во-

просами своей науки, интерпретацию. Благодаря работам С.Р. Микулинского, отмечал Б.М. Кедров, в историко-научный оборот вошло множество материалов, характеризующих творчество и деятельность русских биологов — М.А. Максимова, Е.О. Мухина, И.Т. Глебова, А.М. Филомафитского и других. Анализ найденных Микулинским неопубликованных рукописей К.Э. фон Бэра и их сопоставление с известными работами основоположника эмбриологии привели к новой интерпретации его взглядов на проблему эволюции органического мира.

Если значение работ С.Р. Микулинского по истории русской биологии уже признавалось и полученные результаты высоко оценивались специалистами, то философ Б.М. Кедров обратил внимание на то, что исследования его коллеги существенно продвинули разработку истории философской мысли в нашей стране. Он подчёркивал: "Нельзя ныне представить работу по истории естествознания и философии в России в первой половине прошлого века, которая бы не принимала во внимание результатов указанных выше исследований С.Р. Микулинского, и использовала бы их, не опираясь на них" [4, л. 68].

В 1966 г. в журнале "Вопросы философии" вышла программная статья С.Р. Микулинского (совместно с А.Н. Родным) "Наука как предмет специального исследования" — переведённая на многие языки мира работа, с которой начинается современное науковедение. В связи с этим Кедров писал, что Микулинский стал одним из пионеров комплексного изучения науки как целостной системы и особой формы деятельности, а история науки в рамках такого подхода стала основанием для исследования общих закономерностей науки, её структуры, организации, взаимодействия её различных компонентов. Бонифатий Михайлович подчёркивал исключительную актуальность нового направления, "возглавляемого в нашей стране С.Р. Микулинским, для решения практически значимых задач оптимизации и повышения эффективности научных исследований. В наше время изменившиеся и усложнившиеся способы проведения научных исследований породили острую потребность в учёных, способных к творческому выполнению организаторских функций" [4, л. 69].

С.Р. Микулинский, ставший директором ИИЕта в 1974 г., после перехода Б.М. Кедрова на пост директора Института философии АН СССР, был не только крупным учёным, признанным лидером историко-научного сообщества, но и невероятно мощным и продуктивным генератором идей, лучше, чем кто-либо, умевшим видеть наиболее перспективные варианты развития возглавляемого им на протяжении более 20 лет научного направления. Но, как известно, одних идей, даже самых

Директор ИИЕта АН СССР С.Р. Микулинский.
1970-е годы

продуктивных, бывает недостаточно. Роль научного лидера заключается в подборе специалистов, способных к восприятию новаций и их реализации. Микулинский умел мотивировать, вдохновлять, заряжать коллег верой в успех и реальность выполнения самых амбициозных проектов. Менее четверти века, с 1963 по 1986 г., длилась эпоха расцвета ИИЕта АН СССР, отмеченная пиком научной продуктивности, яркими инициативами и наивысшим уровнем престижа и международного признания. Никогда больше в истории института не было столь квалифицированного и талантливого состава научных работников. ИИЕТ на годы стал пристанищем для многих "изгнанников" — учёных, чем-либо не угодивших советской власти. В их числе были Л.Я. Бляхер, П.В. Волобуев, П.П. Гайденоко, В.Ж. Келле, М.К. Мамардашвили, А.П. Огурцов и многие другие.

С.Р. Микулинский — автор и редактор фундаментальных историко-научных трудов "Развитие биологии в СССР: 1917–1967 гг." (1967), "История биологии" (в 2-х томах, 1972–1975), "Развитие естествознания в России (XVIII — нач. XX века)" (1977), "Социализм и наука" (1981), "В поисках теории развития науки" (1982), "Основы науковедения" (1985) и др. Он добился возобновления археографической серии "Научное наследство" и возглавлял её редколлегия в 1980–1991 гг., был председателем редколлегии общеакадемической серии "Учёные СССР: Очерки, воспоминания, материалы" (1985–1991). Микулинский инициировал масштабный и оригинальный исследовательский проект "Библиотека всемирной истории естествознания". Очень многое было им сделано для восстановления научного наследия Н.И. Вавилова и актуализации философского и историко-научного наследия В.И. Вернадского.

Развитие комплексного изучения науки и создание нового научного направления — науковедения — также требовали от Микулинского широкой организационной деятельности. Под его руководством было подготовлено и издано 14 книг серии "Науковедение: проблемы и исследования", внёсших значительный вклад в разработку вопросов теории, организации и управления научной деятельностью, в том числе "Научное творчество" (1969), "Научное открытие и его восприятие" (1971), "Социологические проблемы науки" (1974), "Школы в науке" (1977). По инициативе и под руководством Семёна Романовича был проведён ряд симпозиумов союзного и международного значения по проблемам комплексного изучения развития науки. Огромное значение для формирования отечественной школы теории и истории науки имела работа знаменитого методологического семинара, на протяжении ряда лет проводившегося в подмосковном Звенигороде. Важнейшим достижением стало создание журнала "Вопросы истории естествознания и техники", редколлегию которого С.Р. Микулинский возглавлял с 1980 по 1986 г. Сейчас очень трудно представить, какие поистине титанические усилия требовались тогда для открытия нового научного журнала широкого социогуманитарного профиля.

В последние годы руководства ИИЕТом Микулинский настойчиво и последовательно проводил линию на историзацию истории науки, одним из результатов этого стало открытие исследовательского направления по историографии и источниковедению истории науки и техники. Сам Микулинский — выдающийся историограф. Ему принадлежит открытие двух наших крупнейших в XX в. историков науки — В.И. Вернадского и Т.И. Райнова, причём реконструируя их жизнь и творческое наследие, он до последних дней не прекращал архивных разысканий.

С.Р. Микулинский уделял очень большое внимание и отдавал много сил всевозможной и в большинстве своём неблагодарной организационной работе. Шёл он на это сознательно и не столько из карьерных соображений, сколько руководствуясь генеральной задачей — усилить и упрочить положение ИИЕТа, обезопасить самое его существование. В разные годы Семён Романович занимал должности: заместителя председателя Комитета советского национального объединения истории и философии естествознания и техники (с 1969 г.), вице-президента Международной академии истории науки (с 1977 по 1985 г.), первого вице-президента отделения истории Международного союза истории и философии науки (с 1985 г.), члена Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, члена редколлегии журналов "Вестник АН СССР", "Вопросы философии" и др.

Микулинский брал на себя и на возглавлявшийся им ИИЕТ всевозможные поручения от ГКНТ и АН СССР, ВАКа при Совете министров СССР, Отдела науки ЦК КПСС, ЮНЕСКО и т.д. Создание науковедения, кроме глубинного научного смысла, в своём прикладном выражении должно было стать и становилось мощным средством воздействия на властные структуры, определяющим научно-техническую политику в стране.

Из далеко не полного перечня заслуг Микулинского становится очевидно, что сопоставимых с ним по значению фигур в отечественном историко-научном сообществе не было и нет. Ни один директор ИИЕТа ни до, ни тем более после не внёс столь весомого вклада в развитие института и науковедение.

Поскольку Микулинский занимал достаточно видное положение, был директором успешного академического института, имел прочные связи в центральных управленческих структурах, включая партийные, то, естественно, он волей-неволей становился участником "межвидовой борьбы" внутри академической корпорации и косвенно (а то и прямо) иных властных структур. Так, в конце 1985 г. на вершине успеха произошла последняя катастрофа в жизни и судьбе Семёна Романовича, в детали которой здесь нет необходимости входить¹. События конца 1985—1986 гг. в ИИЕТе совпали с кампанией по кадровой чистке партийного и советского аппарата Москвы, развёрнутой Б.Н. Ельциным, ставшим в это время первым секретарём Московского городского комитета КПСС. Под грубым давлением Бауманского райкома КПСС С.Р. Микулинский, клеветнически и абсурдно обвинённый в том, что "не обеспечил перестройку деятельности научного коллектива института в свете требований апрельского (1986 г.) Пленума ЦК КПСС" [7, л. 88], был вынужден подать заявление об уходе из ИИЕТа. В тех условиях ему бессильны были помочь друзья и коллеги как из аппарата президиума Академии наук, так и из ЦК КПСС и других властных структур. Единственное, на что решился президиум Академии наук, издавая распоряжение об освобождении с 20 июня 1986 г. члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского от обязанностей директора и главного редактора журнала "Вопросы истории естествознания и техники" "по его личной

¹ Суть происшедшего заключается в том, что С.Р. Микулинскому не удалось подобрать себе достойного заместителя — преемника. Его выбор оказался крайне неудачным, и человек, которому Микулинский много помогал и который стал заместителем директора, не оправдал его ожиданий. Таким образом, Микулинскому не удалось воспроизвести ситуацию своего бывшего тандема с академиком Б.М. Кедровым. Подробнее см. [6, с. 530—552].

просьбе в связи с состоянием здоровья" и переводе на должность старшего научного сотрудника в Архив АН СССР, — это объявить ему благодарность за многолетнюю работу.

Последние годы жизни С.Р. Микулинский продуктивно работал в Архиве АН СССР, где продолжал возглавлять серию "Научное наследство", получившую общеакадемический статус. Для "Научного наследства" он по обыкновению тщательно готовил археографическое издание "Письма и записки В.И. Вернадского". В 1988 г. вышла его итоговая фундаментальная книга "Очерки развития историко-научной мысли", которая ещё ждёт достойной оценки.

Журнал "Вестник Академии наук СССР", публикуя в 1991 г. некролог, справедливо писал о С.Р. Микулинском как о человеке, которого нечем заменить [8, с. 159]. Семён Романович Микулинский остался в российской истории науки и техники как выдающийся учёный, организатор научной деятельности и гражданин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках: очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского. М.: АИРО-XX, 1995.
2. АРАН. Ф. 7. Оп. 4. Д. 103.
3. *Лопуховский Л.Н.* 1941. Вяземская катастрофа. М.: Яуза; Эксмо, 2008.
4. АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 558.
5. Президиум Академии наук СССР о работе Института истории естествознания и техники // Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 15. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 184–185.
6. *Илизаров С.С.* Жизнь и судьба историка науки С.Р. Микулинского // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 3. С. 530–552.
7. АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 559.
8. Редакционная коллегия "Вестника Академии наук СССР". Семён Романович Микулинский // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 159.

A MAN WHOM NOBODY CAN REPLACE

THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A CORRESPONDING MEMBER OF RAS S.R. MIKULINSKII

© 2019 S.S. Ilizarov

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: sinsja@mail.ru

Received 27.05.2019

Revised version received 27.05.2019

Accepted 26.06.2019

The life of the prominent scholar and organizer of science and Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences S.R. Mikulinskii (1919–1991), who determined strategic directions for the development of the history of science and lay the foundation for the science of science in the 1960s — 1980s, was full of tragic turns. In his biography, it is said that his years of schooling were followed by his volunteering for the army during the Great Patriotic War, years of being a prisoner in first Nazi, and then Soviet, camps, followed by years of studies and a meteoric scientific career that abruptly ended with his expulsion from the USSR Academy of Sciences, Institute for the History of Science and Technology that he himself had nurtured. Under his guidance, prominent scientists in a wide range of disciplines were brought together at the Institute, which reached the peak of its development having become a globally recognized center for the advancement of thought in the history of science.

Keywords: S.R. Mikulinskii, Academy of Sciences, history of science, science of science, historiography, Institute for the History of Science and Technology.